

Ду Ицзэ уже больше двух часов был за рулём.

Дорога в пригороде была в ужасном состоянии, покрытая выбоинами и ямами. Если бы он ехал не на внедорожнике, его ягодицы точно бы пострадали. Эта, казалось бы, заброшенная трасса пролегла через равнину, с обеих сторон которой простирались бескрайние заросли травы по пояс. Фонарей по пути не было, видимость была крайне низкой, и Ду Ицзэ не рисковал включать дальний свет. В такой местности он оказывался в уязвимом положении. Раньше он мог прятаться в полях пшеницы в полчеловека высотой, будучи готовым в любой момент прострелить чьи-то шины, но сейчас ситуация изменилась. Он не хотел становиться живой мишенью, и даже несмотря на то, что вокруг не было видно ни единой крысы, он держал скорость около сорока миль в час.

Обычно, двигаясь по таким практически пустынным дорогам, Ли Миньюй подначивал его разогнаться, утверждая, что на скорости шестьдесят миль в час, если высунуть руку из окна, можно почувствовать прикосновение, подобное прикосновению груди третьего размера.

Ду Ицзэ и вправду разогнался до шестидесяти, и Ли Миньюй тут же высовывал руку в окно, с блаженной ухмылкой на лице, хватая невидимый, но мощный поток воздуха.

— Эй, ты что, никогда не трогал? — спрашивал Ду Ицзэ.

— Я что, не трогал чего? — отвечал Ли Миньюй, причмокивая. — Просто думаю, что эта... не такая уж и большая.

Обычно в этот момент Ли Миньюй уже начинал уговаривать его добавить газу.

Ду Ицзэ бросил взгляд на пассажирское сиденье. Ли Миньюй не ругался, как раньше. Он лежал, обмякнув в тени, его висок упирался в край стекла, он не издавал ни звука, не двигался, его силуэт почти сливался с ночной тьмой за окном.

Вдыхаемый анестетик действовал быстро, но его эффект зависел от человека. Если так продолжится, Ли Миньюй мог внезапно очнуться, схватить руль, вцепиться в воротник Ду Ицзэ и попытаться раскроить ему голову, устроив что-то вроде смертельной схватки.

Ду Ицзэ сжал руль и с раздражением нажал на газ. Он чувствовал, что сошёл с ума. Столько путей к отступлению, а он выбрал самый хлопотный.

Но что ещё можно было сделать? Человека уже взяли с собой, нельзя же сейчас выбросить Ли Миньюя в бетонный кювет.

Ду Ицзэ мог только безмолвно молиться. Он не любил молиться, потому что это было поведение слабака, попавшего в ситуацию, когда его судьба зависела от других. Он не любил, когда его судьбой управляли, управлять чужой — это другое дело.

Впрочем, если подумать, Ду Ицзэ, пройдя через множество испытаний, до сих пор оставался цел и невредим, и всё благодаря своей удаче. Сегодня ночью богиня удачи, как всегда, поцеловала его в лоб. По пути на них не напали, и Ли Минъюй не очнулся. Через полчаса с лишним он остановил машину у небольшой гостиницы на окраине города.

Хозяин гостиницы, явно не заинтересованный, развалился в бамбуковом кресле, его белая майка болталась на круглом животе. Он зевал, уставившись в экран настольного компьютера, из протекающих наушников доносились тихие стоны. Ду Ицзэ обхватил руку Ли Минъюя, перекинул её через своё плечо, взвалил его на себя и подошёл к стойке регистрации. Он достал из внутреннего кармана куртки документ и несколько раз постучал им по стойке, прежде чем привлёк внимание хозяина.

— Стандартный номер.

— Какой там стандартный, тут все номера с одной кроватью.

Хозяин взял его удостоверение личности, сказал, что ночь стоит пятьдесят, только наличными, и время от времени бросал взгляды на безжизненно спящего Ли Минъюя. Когда он закончил записывать данные документа, его взгляд из любопытного превратился в откровенно насмешливый.

— Вы что, вместе?

— Да, встречаемся, — без тени смущения ответил Ду Ицзэ. — Что, не видел таких?

— Я что, не видел? — хозяин усмехнулся, достал ключ из одного из множества отделений деревянного ящика и бросил его на стойку, затем указал большим пальцем в сторону коридора. — Направо, вверх, последняя комната.

Потолок над головой осыпался, из трещин в стенах коридора тянуло запахом сырости и плесени, словно невидимая паутина опутала всех гостей этой гостиницы, вызывая холодок по спине. Ду Ицзэ взял ключ и, с трудом неся Ли Минъюя, направился на второй этаж. Каждый его шаг по деревянной лестнице сопровождался скрипом и покачиванием.

Изрядно попотев, Ду Ицзэ наконец протащил Ли Минъюя через узкий коридор второго этажа и втолкнул в комнату. Он уложил его на кровать, подложив под голову подушку.

В комнате была только одна кровать и табуретка, а санитарные условия оставляли желать лучшего. Простыня под Ли Минъюем была пожелтевшей, словно её испачкали чем-то, оставив следы, которые не отстирались или вовсе не стирались. Но Ду Ицзэ не стал заморачиваться. Он жил в условиях, которые были в десятки раз хуже. Он не собирался ложиться на эту кровать, потому что не мог уснуть. Многолетние профессиональные привычки снизили его потребность во сне, иными словами, его паранойя была слишком сильна. К тому же утром нужно было ехать дальше, а сейчас ему просто нужно было дождаться, пока Ли Минъюй очнётся.

Ду Ицзэ достал из кармана пачку сигарет, ещё не распечатанную, снял целлофановую упаковку и бросил её на пол. Эти сигареты он купил у хозяина гостиницы при регистрации. Скорее всего, они были поддельными, но главное, чтобы не отравили. Сейчас ему нечего было делать, и он решил выкурить пару сигарет, чтобы скоротать время.

Большинство мужчин сближаются через алкоголь и сигареты. Ду Ицзэ не любил запах алкоголя, поэтому выбрал сигареты. Ему нравилось что-то подмешивать в них, например, яд, что было очень эффективно при расправе с мелкими сошками, или наркотики, как в случае с сигаретой, которую он дал Ли Минъюю.

Ду Ицзэ задернул шторы, не включая лампу на тумбочке, просто придвинул стул к кровати, сел, избегая окна, закинул ногу на ногу и закурил. Оранжевый огонёк то появлялся, то исчезал между его пальцами. Он прищурился, глубоко затянулся, пока голова слегка не закружилась, и выдохнул дым, затем постучал пальцем по фильтру, стряхнув пепел, и подумал: «Не может быть».

Зачем я его вообще взял с собой?

Этим вопросом Ду Ицзэ задавался всю дорогу и до сих пор не нашёл ответа.

Он считал, что взял Ли Минъюю чисто инстинктивно, но человеческие инстинкты обычно направлены на самосохранение, а в этом случае всё выглядело как самоубийство.

Он мог придумать разные планы побега, но как только в плане появлялся ещё один человек, варианты сокращались вдвое. Если этот человек был неуклюжим, глупым и упрямым, шансы на успех ещё больше снижались.

Ли Минъюй был частью его плана, но точно не частью плана отступления.

Значит, причина была в чём-то другом. Но что могло быть настолько сильным, чтобы заставить его инстинктивно принять нерациональное, даже глупое решение?

Боевое братство? В голове Ду Ицзэ вдруг промелькнули эти странные слова. Это было просто абсурдно! Это слово казалось ему настолько чуждым и далёким — настолько далёким, что сейчас оно звучало лишь как издевательство.

Однако, повернувшись к Ли Минъюю, он вспомнил, откуда взялось это слово.

У них с Ли Минъюем действительно было «боевое братство».

Это слово они выучили, когда вместе смотрели патриотический фильм, сидя на подоконнике маленькой забегаловки с вонтонами напротив улицы. Хозяин вонтонной разделил своё заведение на две части: передняя использовалась для бизнеса, а задняя служила спальней для

него и его жены. Вонтонная открывалась каждый день в пять тридцать утра, несмотря на погоду. Хозяин неизменно выносил из кухни большую кастрюлю и ставил её у входа, расставляя на покосившемся деревянном столе разнообразные приправы в помятых металлических мисочках. Пока вода закипала, он засовывал руки в рукава ватного халата и, словно бамбук, стоял на холоде, серьёзно разглядывая двух серых крыс, пробежавших мимо.

<http://bllate.org/book/15266/1347222>